

те «*Tinctura physicorum*»: если воспользоваться физической краской для трансмутации, то сначала можно потерять по фунту на каждую тысячу растворенного золота. Только тогда лекарство будет готово и способно заставить исчезнуть язву металлов (Пуассон, 1914—1915, № 7, с. 15). На этом исчерпываются возможности алхимического цвета, символа и реальности одновременно. Цвет в алхимии, представленный лишь на феноменальном уровне, требует теперь осмысливания в более широком контексте — в контексте алхимического символизма в целом.

Цветовые переходы от *черного* к *красному* через белый с протуберанцами вспомогательных цветов, сопровождающих три основных, соответствуют *восходящей трансмутации металлов от несовершенного железа к совершенному золоту*. Если расширить пределы, то этот отрезок можно представить в еще более общем виде: от хтонически-темной, лишенной определенности *первоматерии* до неизреченной всеобъемлющей *квинтэссенции*, соответствующей в известном смысле неоплатоническому *Единому*. На этом, в некотором роде христианском пути нет места символотворчеству как таковому. Здесь разыгрывается многоцветное мифологическое житие центральной алхимической субстанции — металлов, событийно представленное в виде трех главных сюжетов христианской истории, осуществленной в поучительной земной жизни *Иисуса Христа* (точнее, ее финале): *смерть, воскресение из мертвых; священный брак с зачатием и рождением*²³.

Адепт изобретает мифо-алхимический образ в искаженной форме общепринятого христианского образца. Однако если внимательней приглядеться, то окажется, что и образец по сравнению с первоначальным выглядит тоже деформированным. *Черный цвет* дарует жизнь остальным цветам, в том числе и наилучшему — *красному*. Все иные цвета изначально уже содержатся в *черном*. Вместе с тем *белый цвет* — *не свет!* — один из ... в цветовой иерархии — в отличие от *Света* в христианстве, выходящего за пределы цветовой гаммы и над нею стоящего. Видимый — равно и слышимый — цвет. Над цветовой гаммой стоит лишь сам алхимик, молчаливый распорядитель алхимического — сиречь божественного — *света*, изобретающий философский камень, *цвет света*, цветные этапы судьбы которого эквивалентны цветовой гамме в алхимии. Цвета в алхимическом многоцветии пресуществляются один в другой, как, впрочем, и металлы, хотя и с помощью медиатора, чудодейственного рукотворного инструмента в демиургических говорящих руках безмолвного адепта. Но именно в этом месте — в месте соприкосновения с философским камнем-медиатором, изобретенным богоравным адептом, начинается нарастающая, готовая захлестнуть всю Вселенную волна символических уподоблений — и *философского камня*, и *семи металлов*, и *двенадцати* рукотворных *операций* над ними, и алхимических, и космо-

²³ Правда, последний сюжет имеет отношение к дорождественской библейской истории.